

“ПОЭМА” В ПОНИМАНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Članek se ukvarja s pomenom in funkcijo pojma *poëma*/‘pesnitev’ pri F. M. Dostojevskem, ki rabi ta pojem tako za opredelitev ustvarjalnega procesa kot nekaterih estetskih in genoloških poimenovanj.

The article deals with the meaning and function of the notion *поэма*/‘poem’ in the works of F. M. Dostoevskij, who uses this notion as a definition of the creative process as well as of other aesthetic and genre terms.

Слово “поэма” в восприятии и употреблении Ф. М. Достоевского многозначно: это и категория процесса художественного творчества; это и категория поэтики и эстетики; особенно сложное значение получает слово “поэма” как обозначение жанра.

Многозначность слова “поэма” сказалась и на литературоведческом изучении и функции “поэмы” в творчестве Ф. М. Достоевского. В XX веке достоевсковедение дало на указанную проблему различные ответы. – Остановимся лишь на некоторых.

Один из основоположников изучения поэтики Ф. М. Достоевского Л. П. Гроссман рассматривает проблему “поэмы” у Достоевского в своей известной работе “Достоевский-художник”¹ прежде всего в связи с проблематикой жанра Достоевского. Развивая тезис о “сложной и цельной форме нового романа” Достоевского, Л. Гроссман иллюстрирует свой тезис разбором довольно одностороннего и парциального выбора тех мест из больших романов Достоевского, которые подтверждают его суждение, согласно которому, – “в любом романе Достоевского мы найдём (...) принципы оформления целого на основе контраста падения человека и его духовной красоты”.² Гроссман обращает в указанном контексте внимание на такие “поэтические” места в романах Достоевского, какими являются, например, монолог Мармеладова в распивочной из второй главы первой части романа “Преступление и наказание”, и монолог Ивана, охватывающий три главы из “Книги пятой. Про и contra” романа “Братья Карамазовы” (“Братья знакомятся”, “Бунт” и поэма Ивана Карамазова “Великий инквизитор”). Гроссман приходит к заключению: “сложная внутренняя структура творений Достоевского. Это – сочетание эпоса с поэзией и драмой, или философская поэма в оправе из физиологических очерков”.³ Свою мысль Л. Гроссман дополняет утверждением: “Вот почему сам Достоевский любил обозначать свой жанр подзаголовком Гоголя к “Мертвым душам” – п о э м а. Эта формула сложилась к началу

¹ Л. П. ГРОССМАН, Достоевский-художник, в сб.: *Творчество Достоевского* (Москва: Изд. АН СССР, 1959), стр. 330–416.

² Там же, стр. 332.

³ Там же, стр. 336.

60-х годов. Свое второе большое произведение "Двойник" он снабжает при его переиздании в 1866 г. подзаголовком "Петербургская поэма".⁴ В связи с обозначением "роман-поэма" упоминает Л. Гроссман еще замысел историко-философской повести "Император", план "Жития великого грешника" и роман "Подросток". – С определением "внутренней структуры творений Достоевского" в работе Гроссмана, да и с значением, которое он придает термину "внутренняя структура", мы в статье не будем спорить, для нас важны указание на особую роль "поэмы" в творчестве Достоевского и довольно широкий диапазон трактовки этой проблемы в исследовании Гроссмана. Кроме жанрового значения и функции "поэмы" в творчестве Достоевского Гроссман обсуждает и различие двух стадий творческого процесса художника, ссылаясь при этом на слова Достоевского из записных книжек к роману "Подросток" и писем из 1866 года: "Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста" (XI, 147). Материалы еще будут накапливаться и разрабатываться, но замысел, ведущая тема, нравственный центр уже определились и произведение в основном сконструировано, хотя налицо еще только его идея-фабула. "Роман есть дело поэтическое",⁵ – а и романную и общелитературную традицию, связывающую творчество Достоевского с русской и мировой литературой.

В ином, более узком аспекте рассматривает значение и функцию "поэмы" в творчестве Достоевского В. Я. Кирпотин. В статье "Мир и лицо в творчестве Достоевского" (глава "Поэма") он опровергает толкование Гроссманом слова "поэма" как обозначения жанра и категорически заявляет, что Достоевский "воспользовался словом "поэма" не для обозначения жанра, а этапа в своем творческом процессе",⁶ при этом Кирпотин ссылается на Лию Розенблюм и ее статью "Творческая лаборатория Достоевского-романиста".⁷ Ограничение проблематики "поэмы" в творчестве Достоевского на бином "замысел-поэма и ее воплощение в произведении", на сопоставление "дела поэта" и "дела художника" (из письма Достоевского А. Майкову в мае 1869 г.) и на толкование значения "поэмы" у Достоевского как "идеи" и "темы"⁸ обедняет сложную проблематику значения и функции "поэмы" в творчестве Достоевского, но с другой стороны это ограничение указывает на должную осторожность при рассмотрении такой проблемы, какой является проблема "поэмы" в жанровом значении и функции.

⁴ Там же, стр. 336.

⁵ Там же, стр. 336.

⁶ В. Я. Кирпотин, Мир и лицо Достоевского, гл. Поэма, в кн.: В. Я. Кирпотин, Достоевский художник: Этюды и исследования (Москва, 1972), стр. 141.

⁷ Л. М. Розенблюм, Творческая лаборатория Достоевского-романиста, в кн.: Ф. М. Достоевский в работе над романом "Подросток": Творческие рукописи (Москва: Изд. "Наука", 1965; Литературное наследство, том 77), стр. 7–56.

⁸ В. Я. Кирпотин утверждает: "в этих случаях слова "идея", "тема" приобретали у него (Достоевского, А. С.) специфическое значение: они обозначают то же самое, что и "поэма". – В. Я. Кирпотин, *op. cit.*, 143.

Наиболее обстоятельно проблематика "поэмы" в творчестве Достоевского исследована В. Н. Захаровым в его книге "Система жанров Достоевского. Типология и поэтика".⁹ Захаров учитывает всю многозначность слова "поэма" в понимании и употреблении Достоевского и приходит к заключению, что "в (...) сложных жанровых и нежанровых значениях у Достоевского слово "поэма": это и категория творческого процесса, замысел романа; это и категория поэтики (эстетическое выражение идеала и художественной идеи произведения) это и жанровая форма произведения иных типов".¹⁰ На наш взгляд наиболее продуктивными являются следующие положения Захарова:

1. Исходное значение слова "поэма" у Достоевского – жанр эпического произведения, причем не только в стихах, но и в прозе; вслед за Гоголем он часто называет "поэмами" прозаические произведения – свои и чужие, но кроме того, придает этому слову индивидуальные, уже нежанровые значения.

2. "Поэма" как замысел романа и "поэма" как жанр – разные категории, но они совпадают у Достоевского в особом эстетическом отношении к действительности, в попытке разгадать жизнь поэзией.

3. "Поэма" как замысел не всегда превращалась у Достоевского в роман, иногда оставалась в своем изначальном качестве – становилась жанром прозаического произведения.

4. "Поэма" у Достоевского была не только жанром, но и предметом художественного изображения в его романах.

5. Подчас "поэма" меняла жанровую "сущность" содержания – становилась жанровой формой романов, повестей, рассказов, других произведений.¹¹

Разумеется, что все эти положения Захарова не являются одинаково продуктивными и приемлемыми. Мы считаем, что нуждается в дополнительном уточнении прежде всего то его положение, согласно которому "поэма" в творчестве Достоевского "иногда становилась жанром прозаического произведения". Захаров, правда, в этом контексте добавляет: "Соотнесенная с авторским идеалом, поэма приобретала или патетическое, или пародийное значение".¹² "Поэмами" с "патетическим" значением считает Захаров "двух глубоких поэм" "Великий инквизитор" и "Геологический переворот" Ивана Карамазова, а "пародией на жанр", по его мнению, является, например, "бедная поэмка" писателя Кармазинова "Merci" в романе "Бесы".¹³ Но если мы не понимаем жанр только как содержательную, или формальную категорию, а смотрим на жанр как на художественную модель, то надо добавить, что "поэма" в системе жанров

⁹ В. Н. ЗАХАРОВ, *Система жанров Достоевского: Типология и поэтика* (Ленинград, 1985; Изд. Ленинградского университета).

¹⁰ Там же, стр. 34.

¹¹ Там же, стр. 29–33.

¹² Там же, стр. 32.

¹³ Там же, стр. 32–33.

Достоевского никогда не приобрела значение "первичного жанра", какими являются в творчестве Достоевского роман, повесть и рассказ; "поэме" в творчестве Достоевского всегда свойственно значение "вторичного жанра", т.е. жанра, который появляется в качестве жанра только как составная часть более обширного целого – романа. "Поэма" как составная часть романа является в творчестве Достоевского прежде всего предметом изображения "чужой речи", "чужого слова" (по терминологии М. Бахтина), в конце концов "чужого жанра". Наглядным примером художественного изображения "чужого слова" является монолог Ивана Карамазова в "Книге пятой. Про и contra" романа "Братья Карамазовы", и как часть этого монолога, и "поэма" "Великий инквизитор". Характерно, что именно "поэма" "Великий инквизитор" в сущности единственный у Достоевского опыт реставрации прошлого.¹⁴

"Поэма" в творчестве Достоевского имеет прежде всего значение и функцию жанрового определителя, и как такова становится категорией творческого процесса, и категорией поэтики и эстетики. – В 70-х годах размышления Достоевского о "поэме" интенсифицируются наряду с его размышлениями о значении и роли литературы-поэзии и поэта-творца. В творческих рукописях из второго периода работы над сюжетом романа "Подросток" (сентябрь – ноябрь 1874 г.) мы находим, например, запись (14 октября):

В ходе романа держать непременно два правила. – 1-е правило. Избегнуть ту ошибку в *Идиоте* и в *Бесах*, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намечном, романическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы прямо объяснять истину. (...) 2-е правило в том, что герой – подросток. А остальное все второстепенность (...). Поэма в подростковом и в идее его или, лучше сказать, – подростке единственно как в носителе и изобретателе своей идеи.¹⁵

Особый интерес представляют в этом контексте "введение и послесловие" Ивана Карамазова к "поэме" "Великий инквизитор" и *Пушкинская речь* Достоевского. "Введение и послесловие" Ивана Карамазова к "поэме" "Великий инквизитор" представляют собою своего рода "самосознание и самокритику жанра", они являются и выражением того, что М. Бахтин назвал "памятью жанра". Не случайно в "введении и послесловии" к "поэме" названы Данте, "Notre Dame de Paris" Виктора Гюго, средневековые миракли, русский апокриф "Хождение Богородицы по мукам", стихи Жуковского, Тютчева (с образом Христа "в рабском виде цар(я) небесного", – образом повторенным Достоевским в речи о Пушкине), стихи Шиллера, образ из Фауста. – Речь на празднестве Пушкина – плод двадцатилетних размышлений писателя над великим русским поэтом (набросок этой речи мы находим уже в статьях 1861 г. в журнале

¹⁴ См.: Л. П. Гроссман, *Достоевский-художник*, стр. 334.

¹⁵ Ф. М. Достоевский, *Подросток: Рукописные редакции* (Ленинград: Изд. "Наука", 1976), ПСС в тридцати томах: Том 16, стр. 175.

"Время"), а вместе с тем – и итог его размышлений о поэте-творце высокохудожественного стиля, песнопевце великой темы, создателе новой интеллектуальной героики.¹⁶ Размышления о Пушкине как поэте пророке и его поэмах "Цыганы" и "Евгений Онегин" активизируют размышления Достоевского о соотношении национального и общечеловеческого в русской литературе и культуре, в связи с этим и размышления о идеале "всечеловека", и идеале вообще, о универсальности Слова.

В итоге статьи мы могли бы сказать, что размышления Ф. М. Достоевского о "поэме", особенно в период работы над романами "Подросток" и "Братья Карамазовы", активизируют в творчестве Достоевского тенденции к преодолению *гротескной формы* романа ("Идиот", "Бесы") и освоению *трагической формы* романа. Трагическая форма романа, в отличие от гротескной формы, дает возможность для художественного изображения идеала и абсолюта, возможность для художественного освоения универсального – в смысле вывода Достоевского о "восстановлении погибшего человека" как "основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия" (вывода, сформулированного в предисловии к "Собору Парижской Богоматери" Гюго, 1862), и его замысла романа-поэмы ("Житие великого грешника", "Подросток", "Братья Карамазовы"), которая, "хоть к концу века", выразила бы XIX век и его идеалы "так е полно и вековечно", как выразила "Божественная комедия" Данте "свою эпоху средневековых католических верований и идеалов".¹⁷

POVZETEK

F. M. Dostojevski rabi pojem *poëma* / 'pesnitev' tako za označitev ustvarjalnega procesa kot za opredelitev nekaterih estetskih in genoloških poimenovanj.

Pri označevanju ustvarjalnega procesa mu pojem pesnitev pomeni 'zamisel romana' oziroma 'idejo' romana (na primer Življenje velikega grešnika / *Žitie velikogo grešnika*, romana Mladenič / *Podrostok*), ki da je »stvar pesnika« in pesniškega navdiha, kateremu (naj) sledi realizacija, pisanje in obdelovanje napisanega, ki da je »stvar umetnika«.

Pesnitev kot estetski pojem pomeni za F. M. Dostojevskega poseben odnos do življenja in sveta, posebno pesniško vizijo, ki naj razkrije skrivnosti človeka, sveta in bivanja oziroma življenja nasploh in s tem nakaže »velike« umetniške teme. Pomeni mu tudi »žanrski spomin« in z njim povezano »samozavedanje in samokritiko žanra« (na primer v uvodu in pogovoru Ivana Karamazova k pesnitvi Veliki inkvizitor in v govoru Puškin) in tudi ubeseditiv »tujega žanra« (»tuje besede«, »tujega govora«) v patetičnem (pesnitev Veliki inkvizitor) in parodičnem smislu (»uboga poemica« *Merci* pisatelja Karmazinova v romanu *Besi*, na primer).

Kot čisto genološka oznaka ima pesnitev pomen sekundarnega žanra, »teksta v tekstu« oziroma »teksta med teksti« v romanesknem ansamblu (na primer pesnitev Veliki inkvizitor v romanu Bratje Karamazovi), v zvezi »roman pesnitev« (roman Dvojnik: Peterburška pesnitev / *Dvojnik: Peterburgskaja poëma*, 1866) pomeni oznako, ki naj asociira pesnitve velikih predhodnikov, kot sta, na primer pesnitev Mrtve duše N. V. Gogolja in tudi pesnitev Bronasti jezdec / *Mednyj vsadnik* A. S.

¹⁶ См.: Л. П. ГРОССМАН, *op. cit.*, 336.

¹⁷ Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, /Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго "Собор парижской Богоматери"/ (Ленинград: Изд. "Наука", 1980), ПСС в тридцати томах: Том 20, стр. 29.

Puškina, in nakazuje »veliko temo«, pri Dostojevskem v romanu Dvojnik, na primer temo Peterburga in »peterburškega obdobja ruske zgodovine«.

Razmišljanja F. M. Dostojevskega o pesnitvi in pomenih, ki so pri pisatelju povezani z njo, aktivirajo v obdobju ustvarjanja romanov *Mladenič* in *Bratje Karamazovi* tendence, ki naj bi pripeljale Dostojevskega od groteskne oblike romana (*Idiot*, *Besi*) k uveljavitvi tragične oblike romana. Ta naj bi omogočila F. M. Dostojevskemu umetniško ubeseditev ideala in absolutu.